

ВОПРОСЫ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ ПО УК ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

В. К. Грищук

Львовский государственный университет внутренних дел

В УК отдельных государств закреплён институт крайней необходимости, который представляется недостаточно разработанным в научном плане. Как правило, в юридической литературе указывается, что это «такое положение лица», или «такое состояние, при котором лицо...», либо «вынужденное совершение гражданином действий». В указанных случаях акцент сделан на оценочном аспекте деяния и условий его совершения, что, без сомнения, имеет важное значение. Думается, что для юридического формулирования дефиниции крайней необходимости важно, в первую очередь, указать, чем она является – субъективным правом или юридической обязанностью.

Относительно физических лиц крайняя необходимость есть и должна быть субъективным правом и нравственной обязанностью. Применительно к должностным лицам она может выступать в качестве юридической обязанности. В первом случае за неиспользование физическим лицом своего права оно может быть подвергнуто нравственному осуждению. Невыполнение же юридической обязанности должностным лицом должно влечь за собой ответственность согласно действующему законодательству.

Нет разночтений в том, что вред, причиняемый в состоянии крайней необходимости, должен быть необходимым и причиняемым в рациональных пределах. В отдельных уголовных кодексах прямо указывается, что этот вред должен быть необходимым (например, ст. 37 УК Японии, ст. 122-7 УК Франции, п. 5 ст. 21 УК Испании) или что такой вред нельзя было предотвратить другими средствами (например, ст. 32 УК Латвийской Республики), либо что угрожающая правоохраняемым благам опасность не могла быть устранена иными средствами (способом, другим путем) (например, ч. 1 ст. 34 УК Казахстана, ч. 1 ст. 39 УК Украины, ч. 2 ст. 38 УК Молдовы, ч. 1 ст. 26 УК Польши, ч. 1 ст. 37 УК Киргизской Республики, ч. 1 ст. 38 УК Азербайджанской Республики, ч. 1 ст. 36 Республики Беларусь, ст. 30 УК Грузии, ст. 14 УК Эстонской Республики, ч. 1 ст. 13 УК

Республики Болгария). Последний подход соответствует ч. 1 ст. 41 Модельного УК для государств – участников СНГ.

Оригинально решен этот вопрос в ч. 1 ст. 10 УК Австрии, где указано, что в случае крайней необходимости «в положении лица нельзя было ожидать другого поведения от человека, имеющего отношение к этим правоохраняемым ценностям», а также в п. «в» ч. 2 ст. 10.3 УК Австралии, где подчеркнуто, что такое поведение лица «является единственным разумным способом выхода из сложившейся ситуации».

Относительно рациональных пределов причиняемого вреда для устранения опасности в юридической литературе нет единого мнения, а в уголовном законодательстве нет единообразия. Условно можно выделить три подхода: первый – путем прямого указания на соотношение вреда причиненного и вреда предотвращенного, другой – посредством дефиниции превышения пределов крайней необходимости, третий – путем общего указания на разумность реакции лица в критической ситуации.

Первый подход к определению рациональных пределов причиняемого вреда осуществлен в двух вариантах. При первом варианте в УК прямо указывается на то, что причиняемый вред должен быть менее значителен, чем вред предотвращенный (ч. 1 ст. 13 УК Республики Болгария, ст. 14 УК Эстонской Республики, ст. 30 УК Грузии, ст. 32 УК Латвийской Республики, ч. 1 ст. 36 УК Республики Беларусь, п. 3 ч. 1 ст. 34 УК Аргентины, § 1 ст. 26 УК Польши). При втором варианте – вред не должен превышать вред предотвращенный, т. е. такой вред может быть и равным (пропорциональным) предотвращенному вреду (например, п. 5 ст. 21 УК Испании, ч. 3 ст. 36 УК Республики Молдова, ч. 1 ст. 10 УК Австрии, ч. 1 ст. 37 УК Японии).

Второй подход осуществлен посредством определения дефиниции превышения пределов крайней необходимости, содержащей в себе те же указанные выше варианты решения указанной проблемы. Так, в ч. 2 ст. 34 УК Республики Казахстан, ч. 2 ст. 37 УК Киргизской Республики, ч. 2 ст. 38 УК Азербайджанской Республики указано, что превышением пределов крайней необходимости является умышленное причинение равного или большего вреда, чем предотвращенный. Здесь наблюдается соответствие способа решения проблемы тому способу, который применен в ч. 2 ст. 41 Модельного УК для стран СНГ. Другой вариант реализован в ч. 2 ст. 39 УК

Украины, где указано, что превышение пределов крайней необходимости есть умышленное причинение более значительного вреда правоохраняемым интересам, чем предотвращенный. Следовательно, в этом случае причиняемый вред может быть и равным (пропорциональным) по отношению к предотвращенному вреду. В этой связи трудно объяснить логику законодателей – почему среди двух равноценных благ предпочтение отдается тому, которое считает нужным защитить лицо, применяя крайнюю необходимость? В чем состоит польза для общества и государства в этом случае?

Третий подход реализован в УК Австрии. В статье 10.3 подчеркивается, что в условиях крайней необходимости «лицо совершает поведение, разумно веря в то, что: <...> е) данное поведение является разумной реакцией на подобную критическую ситуацию». Насколько это поведение разумно в конечном счете оценивает суд.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что во всех этих уголовных кодексах не содержится каких-либо указаний на недопустимость причинения смерти человеку в состоянии крайней необходимости. Речь должна идти только о соблюдении изложенных выше пределов причинения вреда. Спасение собственной жизни, хотя это и аморально, за счет жизни другого лица (путем причинения ему смерти), возможно только в тех государствах, где уголовные кодексы предусматривают возможность причинения в состоянии крайней необходимости и равного (пропорционального) вреда.

Предлагаем для научной дискуссии такую редакцию статьи о крайней необходимости: «Каждое физическое лицо имеет право на устранение непосредственной, неизбежной опасности, которая угрожает правоохраняемым благам, путем причинения вреда другим правоохраняемым благам, если эта опасность при данных конкретных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами.

Должностные лица обязаны, в условиях крайней необходимости, устранить такую опасность правоохраняемым благам, если такая обязанность вытекает из их служебных функций.

Указанные в части первой настоящей статьи физические и должностные лица не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред другим правоохраняемым благам, если ими не были превышены пределы крайней необходимости.

Превышением пределов крайней необходимости является умышленное причинение правоохраняемым благам равного или большего вреда, чем тот, который был предотвращен».